

Учиха Тонан поправил очки и нахмурился. Он продолжил с серьезным видом: "Вначале я не чувствовал, что что-то не так. Но после того, что произошло той ночью, я еще раз внимательно прочитал его информацию. Однако там было очень мало информации. Единственные полезные вещи - это две фотографии".

Сарутоби Хирузен заметил взгляд Тонана, и, видя, что тот тоже очень обеспокоен делом Сарутоби Шинноскэ, его настроение немного улучшилось.

Его отношение к Тонану тоже стало немного лучше. Он слегка кивнул и сказал: "Человек на этих фотографиях похож на одного и того же человека. Ты должен быть в состоянии понять, использовал он Технику Трансформации или нет".

Тонан с уверенностью сказал: "Техника трансформации не использовалась, но, присмотревшись, я заметил, что у него странные глаза. Я считаю, что глаза - это окно в душу человека, и у разных людей в глазах живут разные духи. Чем больше я смотрел на глаза этого человека, тем больше чувствовал, что его мысли глубоки. Может ли быть так, что... этот Абэ Сэймэй - подделка?".

Во время объяснения Тонан говорил все медленнее, и в его словах слышался намек на сомнение. Когда Хирузен услышал его, он снова взял в руки две фотографии и внимательно их рассмотрел.

После того, как Тонан указал на это, Хирузен тоже почувствовал, что глаза человека на черно-белой фотографии выражают простоту людей среднего возраста. Но у Абэ Сэймэя на цветной фотографии была странная улыбка на лице. Более того, его глаза были зловещими и безжалостными, вызывая у людей ощущение, что их пожирают.

Хирузен отложил фотографии и посмотрел на Тонана искренними глазами: "Такая возможность действительно есть, но между этими двумя фотографиями промежуток времени не менее тридцати лет. Люди меняются со временем. Как ты думаешь, есть ли другие возможности?".

Тонан сделал вид, что задумался, и сказал: "Хотя я мало знаю о ситуации в резиденции даймё, на следующее утро после инцидента я поспешил навести о ней справки по всем каналам. Когда умер даймё, в комнате находились только Синноскэ-сенпай и Первое Высочество. И оба они подтвердили, что убийцей был другой человек".

Хирузен кивнул: "Это дело уже распространилось по округе".

Тонан сказал определенным тоном: "Я думаю, что тот, кто убил Даймё, - это Первое Высочество. Согласно моему пониманию Шинноскэ-сенпая, он совершенно не может совершить подобное. Такой честный человек, как он, не стал бы лгать по такому поводу".

Услышав непоколебимое доверие Тонана к своему умершему старшему сыну, Хирузен

почувствовал некоторое успокоение в сердце. Он вздохнул и посмотрел на Тонана гораздо более мягким взглядом. "Это дело очень сложное. Не говори об этом за пределами будущего. А сейчас продолжай рассказывать мне об Абэ Сэймэе".

Рассказывая об этом, Хирузен снова почувствовал боль. Его сын погиб, а он не мог даже отомстить за него. Ни резиденция даймё, ни высшие чины Конохи не согласились бы с ним расследовать правду.

Как только выяснится, что убийцей действительно является Первое Высочество, им будет трудно наступать или отступать.

Тонан заметил перемену в выражении лица Хирузена и немного колебался. Он начал с другой "догадки". "Может быть, Абэ Сэймэй - шпион вражеского государства, и он использовал некоторые методы, чтобы запутать Первое Высочество? Он мог сделать это, чтобы посеять раздор между резиденцией Даймё и Конохой".

"Это единственная возможность. Потому что я могу только думать, что этот инцидент был выгоден вражеским государствам. И резиденция Даймё, и Коноха - жертвы".

После того, как он заговорил, Хирузен почувствовал, что он что-то почувствовал. Он выдохнул дым изо рта и сказал: "Понятно. Теперь ты можешь идти и отдыхать. Тебе больше не нужно об этом беспокоиться".

Тонан ничего не сказал и просто согласился. Затем он повернулся и очень медленно пошел к двери. Вдруг его шаги остановились, и он замер на месте.

Хирузен собирался просмотреть документы, когда заметил, что Тонан все еще стоит у двери. Он выпустил полный рот дыма: "Тонан, есть что-то еще?".

Тонан опустил голову, повернувшись спиной к Хирузену, и сжал кулаки. Со спины казалось, что его тело слегка подрагивает, как будто он что-то сдерживает. Затем он сказал печальным голосом: "Хокаге-сама... должно быть, вам сейчас очень трудно".

Хирузен без выражения выпустил полный рот дыма и ничего не сказал. Тонан продолжил с припоминающим видом: "Шинноскэ-сенпай был очень добр ко мне. Я был незнаком со Столицей Огня, поэтому он всегда заботился обо мне. Он беспокоился, что я молод и мой начальник усложнит мне жизнь, поэтому он сам представил меня министру надзора. Несмотря на то, что он уже много работал, он время от времени приходил обучать меня ниндзюцу".

Чем больше Тонан говорил, тем более эмоциональным он становился. Даже его голос начал дрожать. "Я знаю, что Асума не любил меня, поэтому Шинноскэ-сенпай часто отчитывал его за меня".

Говоря это, Тонан поднял голову, снял очки и вытер слезы с уголков глаз. Что касается Хирузена, то он курил быстрее, непрерывно посасывая трубку с табаком. Дым уже заслони́л его лицо, поэтому трудно было разглядеть его нынешнее выражение.

"Шинноскэ-сенпай также сказал, что после завершения миссии в Столице Огня он планирует создать семью и позволить мне стать сенсеем его детей в будущем".

Хирузен уже использовал этот трюк с Тонаном. Суть актерского мастерства заключалась в том, чтобы сыграть душевную боль. Сегодня Тонан собирался заставить Хирузена научиться тому, что называется эмпатией.

"Разве тебе не нравится твой сын? Какое совпадение, мы с твоим сыном тоже понравились друг другу".

Услышав слова Тонана, в голове Хирузена промелькнули сцены жизни Шинноскэ от рождения до совершеннолетия. Его глаза постепенно затуманились и покраснели...

"Но теперь он мертв... его подставили и убили!"

Тонан стиснул зубы, и его слезы упали на пол. Он выглядел сердитым и одновременно печальным...

"Не говори больше!" Хирузен почувствовал, что его сердце сжимается. Боль была невыносимой. Боясь, что он выйдет из-под контроля, он сделал глубокий вдох, чтобы регулировать свои эмоции, но из-за густого дыма он задыхался и кашлял.

Тонан поднял голову, вытер слезы и надел очки. Он сделал глубокий вдох и повернулся. Он сказал с улыбкой: "Простите, Хокаге-сама. Шинноскэ-сенпай сказал мне однажды, что ниндзя должны контролировать свои эмоции и не должны плакать ни при каких обстоятельствах".

Хирузен почувствовал, как печаль хлынула из его сердца, а глаза стали кислыми. Он тут же поднял руку, чтобы подпереть лоб, но из уголка его глаз на кончик носа потекла капля слезы.

Тонан был поражен, увидев это. Он бросился к нему и протянул дрожащую руку, словно хотел вытереть слезы Хирузена.

"Хокаге-сама, что с вами..."

Хирузен моргнул и потер нос: "Я в порядке. Из-за того, что я быстро закурил, дым раздражал мои глаза".

Тонан в панике сказал: "Хокаге-сама, не плачьте... не плачьте... я...". Он отдернул руку, прижал

очки ко лбу и другой рукой несколько раз протер глаза. Затем, подавляя рыдания, он сказал: "Это все моя вина, я зловещий человек. Суждено, чтобы все вокруг меня покидали меня один за другим".

Хирузен поднял голову и глубоко вздохнул. Он успокоился и утешил Тонана: "Дитя, все в порядке. То, что случилось с Шинноскэ, уже произошло. Асума тоже пропал. Я знаю, что все это сильно ударило по тебе. Но сейчас не время грустить. Я найду способ провести тщательное расследование. Просто вернись и отдохни немного. Не думай больше об этом".

Хирузен встал и легонько похлопал Тонана по плечу. Тонан прикрыл глаза рукой и притворно сильным тоном сказал: "Хокаге-сама, пожалуйста, не грустите. Вы нужны Конохе, правда об этом деле обязательно станет известна. Я уйду..."

Сказав это, он быстро развернулся и вышел из кабинета, как будто не хотел, чтобы Хирузен увидел его слабый вид.

<http://tl.rulate.ru/book/72160/2373243>